

F * W

FANTASY * WORLD

АНДРЕЙ ДАЙ

ИСКРА ЗЛА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Д14

Серия «Fantasy-world»

Выпуск 12

Оформление обложки *Николая Плутахина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Дай, Андрей

Д14 Мастер Ветра: Искра зла: роман / Андрей Дай. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 352 с. (Fantasy-world).

ISBN 978-5-17-107496-8

Желаешь погрузиться в мир средневековья? Девственная природа, чистые леса, благородство истинных рыцарей. Луки, арбалеты, мечи, доспехи... Тогда ты зашел прямо по адресу. Этот мир — сказка, чем-то напоминающая мир Робина Гуда, но у него своя религия, свой характерный почерк и блеск. И вместе с тем, вечная жажда славы и наживы, толкающая героев на необдуманные, жестокие и кровавые поступки. Убийства, борьба за власть, деньги и за красивых женщин, за территории, крепости и многое другое... Благородство, стремление остановить, защитить от захватчиков свою родину.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107496-8

© Андрей Дай, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Олень все-таки умер.

Вчерашний дождь каплями блестел на его подрагивающей шкуре, и, если не смотреть в страшные, смертную мутные глаза, казалось, что зверь просто спит. Раскинув богатые рога, по-хозяйски развалившись на зазеленевшем с первыми оттепелями лесном мху, уложив лобастую голову мне на колени. Даже в смерти он был величествен и прекрасен. Если не смотреть в глаза... И на гранатовую лужицу крови... И на короткий стальной болт, хищно впившийся в бок благородному животному.

Я не успел. Догнал, когда помочь не смог бы и Спящий. Все утро бежал по бусинам его крови и не успел. Видел же, что кровь темная, страшная. Такая бывает, когда задета печень, а значит — зверя уже не спасти и лучше всего дать ему уйти на небесные пастбища с миром. Уговаривал себя остановиться, ругал за слабость и все равно бежал.

Он споткнулся о кочку на небольшой полянке. И не смог больше встать. Только смотрел на меня большими печальными глазами, пускал носом пузыри и жадно дышал. Я метался вокруг, искал кровохлебную траву, пытался остановить кровь, выдернуть мучивший оленя болт. Все без толку.

На бегу я успел накинуть тетиву — думал добить самца, чтоб сократить мучения. А когда он умер,

расплакался. Сидел посреди разрезанной наискось солнечными лучами прогалины в бору, держал тяжелую голову благородного оленя на коленях, гладил жесткую шерсть на упрямом лбу, а слезы катились и капали на его густые ресницы. И было как-то пусто и гадостно на душе. Словно соседский мальчишка из баловства растоптал твой песочный замок, а ты смотришь на это из окна и ничего сделать не можешь. Только плакать.

У нас в лесу тысячи оленей. Может быть, даже десятки тысяч. Могучих самцов и изящных самочек. И тем не менее, собираясь на охоту, мужчины лесного народа долго выбирали, какой именно зверь именно сейчас должен умереть. Приболевший или раненый, со сломанными рогами или не добившийся благосклонности самок — эти годились для охоты. На таких вот красавцев — князей оленьего племени — охотиться никто бы и не подумал.

И еще: лесной народ не использует арбалеты. Это лживое оружие придумали люди с запада. Далеко от моего леса. За Великой рекой. На сотни дневных переходов западнее границ княжеств. Отец рассказывал — там говорят на жутко исковерканном орейском, а значит, совсем позабыли заветы отцов. Не мудрено, коли взяли пулять стальными стрелами в красавцев-оленей. Да еще весной...

Вот и вышло так, что троих разгоряченных долгой утренней охотой чужестранцев встречал я на маленькой полянке совсем не добром.

— Это моя стрела, — с ходу, шагов за десять, заявил увешанный железом незнакомец. Его орейский действительно был настолько плох, что я насилу его понял. — И олень мой!

Кто охотится в доспехах? Кто бежит по лесу с длинным мечом на боку? Тот, кому негде это все сложить. Тот, кто никому не верит и свое имущество всегда носит

с собой. Тот, для кого меч — средство выжить в этом огромном жестоком мире. Наемник!

— Это мой лес, — четко выговаривая слова, чтоб бродяга наверняка понял, ответил я. — Мои олени. Ты вор!

Он засмеялся. Только никто ему не поверил.

Наемник был высок и могуч, а на бедре висел длинный меч. По бокам стояли еще два плечистых вооруженных мужика. И пусть доспехов их плечи не нашивали, но боевые топоры руки держали умело. А напротив на корточках сидел я. И совершенно их не боялся.

— Парнишка, — проявил благородство наемник. — Беги отсюда. Иначе, Басрой клянусь, мне придется тебя выпороть...

Думаю, если бы не мой лук с наложенной на тетиву стрелой, вор уже давно бы попробовал напасть. А так — с десяти шагов трудно промахнуться.

— Да неча с ним разговаривать, — неожиданно громко гаркнул один из плечистых. — Он поди дурачок тутошний, деревенский. Уши ему надрать, да и всего делов-то...

Мужик покрепче сжал топориче и шагнул. И получил стрелу в глаз.

Тело еще не коснулось влажной вчерашним дождем земли, а я уже снова был готов стрелять.

— Ты сумел рассмешить белок, вор, — процедил я сквозь зубы. — Забирай труп и беги из моего леса!

Наемник был опасен. Умелый воин с хорошим мечом. Он все еще отказывался верить, что худосочного вида парень с легким охотничьим луком в руках сможет причинить ему вред. Однако он сомневался. И причина тому валялась у его ног со стрелой в глазу.

— Держись, малыш! Я иду!

Клянусь кошмарами Спящих, давно в нашем лесу не случалось такого столпотворения. Меня так и под-

мывало оглянуться, аж между лопаток зудело, глянуть на этого, нового незнакомца. Да только отточенное лезвие в руках наемника не простило бы мне излишнего любопытства.

Мой незванный спаситель тоже путешествовал по моему лесу в доспехах. И у него тоже был меч. И я хотел уж было прыгнуть за ближайшую сосну, чтоб не подставлять незнакомцу спину... Уж больно необычным показалась встреча двух воинов за десятки лиг от ближайшего селения. Но я передумал — из-за голоса. Бывает так — услышишь голос и отчего-то знаешь: это хороший человек. Или увидишь походку — и чувствуешь: этот опаснее росомахи...

— Какая удивительная встреча, ваше высочество! — прорычал наемник. — И какая прекрасная смерть! Умереть, защищая крестьянского парнишку. О вас барды станут баллады петь...

— Я знал, что ты падешь до грабежа нищих детей, Гостар. А когда-то ты был вторым мечом королевства!

Почему я не удивился тому, что эти двое отлично знали друг друга?

— Первым! — яростно выкрикнул наемник и теперь игнорируя мой лук, повернулся навстречу новой опасности. — Я и теперь — первый!

Это начинало меня забавлять. Но чтоб уже ничего не мешало наслаждаться зрелищем, мне стоило доделать одно маленькое дело. Тихонько тренькнула тетива. Почти неслышно кованный трехгранник вошел в горло плечистого мужичка с топором, вышел сзади и припилил последнего соучастника вора к сосне. Это чтоб не отвлекать воинов от их спора.

Впрочем, я зря беспокоился. Два оленьих быка во время гона тоже ничего не видят вокруг, кроме рогов соперника. Этим гремящим железом самцам посреди древнего леса хватило пары слов, чтоб сцепиться.

Я наложил новую стрелу на тетиву, прислонился к теплому боку столетней сосны и приготовился смотреть. Да только чудеса этой удивительной поляны на этом не закончились.

За треском вытаптываемого подлеска я едва не пропустил появление нового гостя моего леса. Ну конечно! Не мог же тот, кого наемник назвал принцем, путешествовать по землям лесного народа в одиночку. Но вот кого я точно не ожидал увидеть, так это жреца!

— Господа! — завопил укутанный в коричневый балахон, сгибающийся под тяжестью поклажи, пыхтящий от бега жрец. — Басра всемогущий! Что таки не поделили два блистательных воина посреди этого убогого края?!

— И что именно тебе показалось убогим в моем краю, бродяга? — хмыкнул я, отвлекаясь. Все равно бой развивался как-то вяло. Словно первый запал прошел и теперь соперники лишь искали повод, чтоб прекратить это безобразие.

— Тфу, демон! — зачем-то плюнул в сторону невысокий полный жрец, только теперь разглядев меня на фоне коры дерева. — Упаси Басра-Создатель!

Он наконец-то добрался до маленькой полянки, с наслаждением сбросил тюк с плеч, хрустнул поясницей и решительно направился в сторону безмятежно вытаптывающих траву воинов.

— Да оставь их, жрец! — крикнул я ему в спину. — Пусть себе потешатся. Не зря же они тащили на себе все эти железки столько лиг!

Толстяк все испортил. Одного мельком брошенного взгляда на суетливого коротышку хватило наемнику, чтоб просмотреть очередной выпад принца и лишиться головы. Алый фонтанчик крови коротко блеснул в золотых солнечных лучах, и безголовое тело браконьера мешком свалилось на ржавую хвою.

Я был слегка разочарован. В кои-то веки в моем лесу одновременно набралось столько чужеземцев, а не прошло и пяти минут, как среди живых осталось лишь двое. Да и те... Принц в стоптанных сапогах, помятых простеньких доспехах и с царапиной через всю щеку. Да суетливый жрец неведомого бога Басры, в драной коричневой рясе, подпоясанной веревкой, и сандалиях на грязных ногах. И от обоих так смердело потом, словно они камни в каменоломне ворочали, а не прогуливались по самому прекрасному в мире лесу.

Молодой высоченный воин шумно отдувался, то и дело смахивал со лба непокорную прядь пепельных волос и что-то бормотал, оттирая клинок пучком травы. Толстяк зачем-то грохнулся на колени у тела наемника, закатил глаза и заныл что-то совсем уж невнятное. Я вздохнул, достал нож из голенища сапога и отправился вытаскивать стрелы. Не так-то и просто смастерить правильную стрелу. Тем обиднее было бы оставить целых две двоим мертвякам, которым мои стрелы сейчас уже точно ни к чему.

А потом я посчитал нужным попрощаться с оленем. Он так и лежал, глядя мутными глазами в вечно меняющийся кусочек голубого неба...

— Прощайте, — вежливо сказал я чужеземцам. — Край леса ближе всего в ту сторону.

— Это вся твоя благодарность, малыш? — воскликнул воин.

— Разве ты не сможешь предать тела разбойников земле? — снова засуетился жрец.

Я даже растерялся. И подумал, что, забыв заветы отцов вместе с правильным языком, чужеземцы могли лишиться и части разума. Спящие коварны! Желая наказать, лишают человека разума...

— Что-то я совсем вас не понимаю, чужеземцы, — признался я. — Ни тебя, воин, ни тебя, толстый жрец...

За что я должен быть благодарен тебе? Ты искренне веришь, что эти бродяги могли причинить мне вред?! В моем лесу? Да меня бурундуки бы засмеяли...

— И то верно, твое высочество, — растянул толстые губы жрец. — Парнишка к сосне прислонился, и я на силу его разглядел...

— Тебя я тоже не понял, жрец чужого бога. Что значит — предать тела земле? Разве они уже не на земле?

— Басра учил тела людские закапывать, дабы не достались они поруганью диких животных и птиц...

— На счастье, меня твой Басра ничему не учил, — хмыкнул я. — Да и не станут животные моего леса... э... как ты там сказал? Да неважно... Трупы к утру съедят и все. Ты бы лучше доспехи прибрал... Нечего лес железками засорять...

Разум и так-то с трудом пробирался сквозь толстенный слой жира на лицо коротышки. А тут он и вовсе идиотом выглядел.

Молодой воин тоже сначала опешил. А потом смешно хрюкнул носом, утерся рукавом и, уже не пытаясь сдержаться, засмеялся так, что птицы с веток взлетели.

— Ты самый чудной парнишка, которого я повстречал по эту сторону Великой реки, — ничуть не стесняясь текущих по щекам слез, заявил принц. — Клянусь кошельком брата Пареля!

Тут он кивнул на побагровевшего от ярости жреца.

— Да и я не часто встречаю таких, как вы двое, — ухмыльнулся я. — По правде сказать, так я столько чужеземцев за один раз в своем лесу вообще ни разу не видел...

— Легко клясться чужой мошной, коли своя пуста, — пробурчал толстозадый брат Парель, не отрываясь, впрочем, от увлекательнейшего занятия — обыска трупов.

— Кто ты? Как твое имя? — принц все не переставал меня удивлять. Немного найдется людей, не слыжавших

о нас. Особенно в окрестных орейских княжествах. — Что делаешь один в чаще леса?

— В наших краях принято гостю первому представляться, — я не осторожничал. Просто мне нужно было время, чтоб обдумать потрясающую новость — люди за рекой действительно полностью забыли заветы отцов! У нас даже дети знают — леса принадлежат нам!

— Ты прав, — учтиво склонил голову воин. — Прости. Мое имя Ратомир. Я старший сын ныне покойного короля Любомира из Модуляр.

— Арч, — коротко кивнул я. — Младший в семье Белого. Я из лесного народа. Это наш лес.

— И велики ли ваши владения? — неожиданно заинтересовался жрец.

— Две луны шли мы с отцом на восход, — я пожал плечами. — Лес так и не кончился...

— А много ль из этого принадлежит твоей семье? — толстяк выговаривал, конечно, сильно исковерканные, но вполне понятные слова. Да только я никак не мог ухватить их суть. Что именно он хотел узнать?

— У меня есть лук, — осторожно ответил я. — Вот этот — легкий. Дома остался еще один. Его дядя Стрибо Белый делал. Для охоты он не годится...

— И все? — гыкнул Парель кому-то-брат. — Не слишком-то твоя семья разбогатела, в чаще сидючи...

Я силился его понять... и не мог. Слово «богато» на орейском имеет значение — «красота, посвященная богу». «Не слишком твоя семья раскрасивела, проживая в лесу»? Глупость какая!

— Ты, наверно, здесь все дороги знаешь? — принц, который должен быть уже королем, а вместо этого шляющийся за тридевять земель от родных границ, тоже вольно обращался со словами.

— Здесь нет дорог, Ратомир из Модуляр. Даже троп нет. Сюда без приглашения люди не ходят. Особенно чужие.

Солнце приближалось к зениту. Лучи пробивали хвою сверкающими колоннами, превращая бор в прекрасный храм. Ветер раскачивал верхушки деревьев, колонны переползали с одной заросшей мхом кочки на другую, и по-весеннему свежая поросль вспыхивала живыми изумрудами. Или, попадая на тела мертвецов, лучи высвечивали кроваво-красные цвета смерти, рубины. Или матовые опалы безжизненных оленьих глаз...

Спящим пора проснуться и навести порядок, коли появились люди, переставшие видеть красоту леса. Прекрасное творение, посвященное богу, — истинное богатство. Призрачную, иллюзорную, вечно меняющуюся, потрясающую, трогательную красоту, которая и есть единственный настоящий Бог!

Горло перехватило. И от восторга, и от жалости к этим бродягам, коим мошна застила глаза и обманула их язык...

— Как же вы ходите? Ни троп, ни дорог... Варварская страна... — Жрец даже глаз не поднял от ладони, на которой пальцем пересчитывал серебряные и золотые монетки.

— Путиами ходим, — если у меня и случилось презрительно выплюнуть эти слова, то не специально. — Кто знает пути, тому ни к чему вытаптывать траву, словно баранам.

— Все мы агнцы Божии... — сумничал Парель.

— Забавная у вас семейка, — хмыкнул я.

Принц звонко щелкнул ножнами, вгоняя туда отчищенный до блеска клинок.

— И ты, конечно, знаешь пути? — улыбнувшись, поинтересовался он.

Я кивнул.

— Сможешь вывести нас поближе к Ростоку?

— Это не трудно, — пришлось снова кивнуть. — А что у тебя за дело к князю Вовару?

— Хочу попросить его о помощи, — признался тот. — Проводишь?

— Пожалуй, — губы сами растянулись в ответ на искреннюю улыбку принца.

— Там, видать, знатное торжище, — обрадовался жрец, разглядывая оружие наемника. — В дремучей стране хороший меч должен быть в цене...

О своих планах по закапыванию тел неудачливых чужеземцев он уже забыл. Видно, этот жрец тоже не особо внимательно слушал уроки своего бога. Или был не таким уж и жрецом, каким хотел казаться. Я поймал себя на мысли, что личина путешествующего и проповедующего служителя — отличная маска для... недруга, желающего подобраться поближе.

— Этот меч возьмет Арч, — твердо сказал принц. Это была не просьба. Это был приказ. Я тогда еще не ведал, что связывает этих двоих путешественников, но зато теперь стало понятно, кто из них главный.

— Прими этот трофей, Арч Белый. Прими как дар и прости за вторжение в твой лес. Ибо не ведали мы, что творим беззаконие.

С этими словами Ратомир, принц и наследник Модуляр, забрав прежде меч у жреца и сняв ножны с тела наемника, склонил передо мной копну длинных пепельных волос и протянул свой подарок.

По дедовской правде такое подношение, не обидев дарителя, нельзя было не взять. Видно, не совсем все забыли там, за Великой рекой. Спящие могут еще немало подремать...

Я улыбнулся и взял.

Нужен был ответный подарок. Как знак прощения.

— Мы будем у ворот Ростока завтра к высокому солнцу, — приладив меч за спину, сказал я. — А чтоб идти быстро и твой толстый спутник с его баулом нас не задерживал...

— Я пойду быстро-быстро, — заторопился Парель. — Я умею... Здесь дикие звери, и вообще...

— Никто не собирался тебя здесь бросить, — хмыкнул я. — Этого еще только в моем лесу не хватало... Кроме того... ты меня забавляешь.

Минуту назад побелевшие щеки толстяка мгновенно налились кровью.

— Я лишь хотел подарить вам лошадей.

— О! — только и смог выговорить принц.

В лиге отсюда, на бугре, стоит мертвое, но все еще крепкое дерево. На его ветвях, в ожидании, когда мы уйдем, сидела стая ворон. Их интересовали трупы.

В полуверсте у ручья голодный, худой и со свалывшимся от долгой спячки мехом весенний медведь безуспешно пытался поймать шустрюю рыбешку. Он, конечно же, слышал шум с этой стороны, но ветер еще не донес запах крови. После полудня ветер сменится.

Кобылка и два жеребчика, привязанные за голые ветки орешника в логу в ста шагах от поляны, уже почувляли кровь. И услышали хлюпанье медвежьих лап по воде. Жеребцы нервно переставляли подкованные копыта и пучили глаза. Кобылка опустила голову и вся дрожала. Они очень надеялись на людей, но боялись издать хоть звук...

Пока я ходил за лошадьми, чужеземцы отрубили оленю ногу. Я их понимал — они хотели есть и видели лишь гору мяса с рогами. Это же не они отпускали душу князя-олени на небесные пастбища.

2

Руна «Жизнь» похожа на дерево с могучими корнями и пышной кроной. Её я начертал первой, как знак того, что жив. И задумался. Следовало оставить сведения о себе, коли уж я дал слово проводить Ратомира в Ро-